

все языци»), но, как всякое название народа, может обозначать и его страну («в Русь, в Руси», как и «в Греки, в Ляхы, в Лясах, в Угрех»). Любопытно, что ни «Слово о полку Игореве», ни «Слово о погибели» не пользуются этим сбивчивым термином. «Задонщина» его знает:

1) во вступлении имя «Русь» обозначает по-старому русский народ, во фразе: «от Афетова сына Ноева родися Русь преславная» (Б, У); 2) в таком же значении найдем его и в конце поэмы: «Русь великая одолеша Мамаю» (И₂), вариант: «Русь поганых одолеша» (С); как в древней летописи, слово «Русь» сочетается еще со множественным числом глагола; 3) однако выражение «на Русь», «в Русь» уже в Повести временных лет может обозначать и страну; в конце «Задонщины» «татары» плачут, что им «в Русь ратью не ходити» (И₂, У) или «на Русь... не хаживать» (И₁); и в этом обороте «Русь» обозначает и народ и его страну.

Во-вторых, для обозначения отдельных людей «Слово о полку Игореве» пользуется патронимической формой «Русичи» (как «Вятичи», «Радимичи»). В «Слове о погибели» нет этой формы, но имеется сходная: «Тоймичи» от собирательного «Тойма». Кроме того, «Слово о полку Игореве» пользуется известным летописи оборотом «русские сыны» и «русские жены». «Задонщина» не называет «Русичей», но использовала остальные обороты своего образца.

Уже во вступлении сказано: «Снидемся, братие и друзи, сынове рустии» (У, С — рустии, И₂). Дальше мы встретим: «наехали рустии сынове на сильную рать татарскую» (И₂), чему в списках У и С соответствует «наехали русские князи». Можно считать первое выражение первичным, ввиду того что дальше говорится: «соступалися русские сынове с погаными татары» (И₂), что сохранено и в С: «изступишася сынове руския», а в У заменено выражением «то ти ступишася русские удалцы».³⁶

В этом отношении список И₂ ближе всего к «Слову о полку Игореве». Зависимость от своего образца особенно заметна в описании последней сечи: «Погании бежать, сынове рускии поля широкая кликом огородиша» (И₂ и И₁). Этот образ восходит к «Слову», являясь контаминацией двух фраз: «дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии Русичи преградиша чрълеными щиты». Автору «Задонщины» было ясно, что «Русичи» — это «русские сыны», тем более что в «Слове» дальше сказано: «посеяни костми руских сынов».

Наконец, в конце «Задонщины» сказано: «уже русские сынове разграбиша татарские узорочья» (И₂, У, И₁), и несколько иначе в Син.: «и погнаша руския сынове вослед поганых татар».

Перефразируя «Слово», Софоний пишет: «уже жены руския восплескаша татарским златом». Это удачная переделка двух выражений: «жены руския всплакашася» и «готския девы... звоня руским златом».

Итак, «Задонщина» пользуется, как и «Слово», выражениями «русские сыны» и «русские жены». Кроме того, она вводит и новое: «русские удалцы». Помимо указанного варианта списка Унд., надо отметить: «гремят удалцы русские золочеными доспехи и черлеными щиты» (И₂, У, С), что напоминает фразу «Слова»: «храбрые Русичи черлеными щиты».³⁷ Слово «удалцы» можно считать рязанским выражением: оно часто встречается в Повести о разорении Рязани. Оно повторяется еще в «Задон-

³⁶ Интересна амплификация в С: «изехалися удалые люди, князи богатыри литовския». Этот белорусский список XVII в. подчеркивает участие литовцев в Куликовской битве.

³⁷ В Б иначе: «гремят удалцы золочеными шеломи [и] черлеными щиты», что следует считать позднейшим неудачным изменением: можно греметь щитом и доспехами, но нельзя греметь шлемом на голове.